

ПОСЛАНИЕ СКВОЗЬ ВЕКА (фрагменты герменевтики культуры)

Уйти из дому для неких жизненных нужд, добыть нечто необходимое в далеком далеке, хоть за тридевять земель, и вернуться – вот что, если говорить кратко, подвигало наших пращуров на удивительные достижения в культуре. Можно найти многочисленные доказательства этого. Сакрализация человеческого следа, письменность и многое другое пошли от вынужденного преумножения возможностей памяти – изобретения различных форм знаковой фиксации разнообразных путей-маршрутов [1].

В этом ряду невозможно не упомянуть так называемое «узелковое письмо», которое, очевидно, было в ходу у наших далеких предков, им вплоть до XII в. пользовались монголы, а также карелы и финны. «Узелковое письмо» составляют особые плетеные символы-узлы. Благодаря достаточной емкости их «алфавита»: изменение интервалов между узлами, плетение узелков различной конфигурации – удавалось фиксировать довольно сложные маршруты и передавать необходимые сведения. Достаточно сказать, что обширнейшая и процветающая империя инков столетиями вполне обходилась сугубо «узелковым письмом» – кипу.

Завязывая «узелки на память», сматывая эти жизненно важные «веревочки» в клубки-атласы, их владельцы обретали уверенность, поскольку становились обладателями ценнейших сведений, *вед* (знаний), ведших и приводящих куда надо. С ними никакие препятствия уже не были страшны, ведь имеющие их обладали знаниями, которые в итоге приобретали в сознании людей магические, колдовские, чудодейственные свойства.

«Чудодейственную навязь» означает и наузы (науз), их носили, дабы предохранить себя от всякой нечисти. В «Слове о полку Игореве» упоминается о неких сокровенных плетениях, надеваемых на тело. Это был традиционный способ приобретения защиты от бед с помощью наузов, т. е. узлов, разумеется, заговоренных, заколдованных. Желание избежать опасностей влекло смертного к ворожеям за приобретением науз, предохранением от бесовских нападков. И шли за волхованием, несмотря на то, что, по толкованию «Стоглава», оно само называлось «бесовским служением». Во время его над узлами наговаривали и отдавали страждущему, после этого он был уверен, что застрахован от всяческих бед, напастей и несчастий. Навязывание узлов на младенцев имело чародейственную силу. Этот древний обычай упомянут в летописи, в повествовании о Всеславе, которого мать родила якобы при участии волшебства, «от волхования». Новорожденному князю волхвы навязали науз на голову; он носил его всю жизнь. Влиянию этого чародейственного узла приписывались воинственность и жестокость князя: был он «немилостив на кровопролитие». А то, что науз носился на голове да еще всю жизнь, может действительно свидетельствовать о тайном посвящении Всеслава, потому что «узелковая грамота» относилась к священным письменам и была уделом лишь избранных (волхвов, жрецов, знати). Обладатель заложенных в них сведений получал реальное и номинальное право вести за собой непосвященных, управлять ими.

В старину по узлам загадывали, «чтоб дело сошлось»: «Как этот узел завязан, так и у нас, рабов Божиих, дело (такое-то. – И.М.) скоро сошлось». При этом необходимо было завязать узлом нитку, положить через порог, промолвив должный заговор.

Не было у человека знаний нужнее и ценнее, нежели те, которые не дают сбиться с реальных и аллегорических путей-дорог его жизни, дабы не удариться в блуд, не потеряться и, следовательно, не пропасть-погибнуть. Эти знания накапливались многими поколениями, превращаясь в достояние культуры, в творческую способность. Ею, в частности, всецело был наделен мифический богатырь славян *Усень*, изображаемый непревзойденным путепроходцем, торившим дороги, мостившим мосты. В латышском фольклоре подобными благодеяниями славился *Усьинш*, бог лошадей, который «рыскал по девяти дорогам».

Узлами «украшали» и оружие для надежности, безотказности или, наоборот, дабы предотвратить его действие: «Завяжу я по пяти узлов всякому стрельцу немирному... Вы, узлы, заградите стрельцам все пути и дороги, замкните все пищали...» От этого старинного верования во всемогущество наузов осталось словосочетание «завязать с чем-либо» – не допустить, преградить, благополучно покончить с чем-то.

У славян тема спасительной путеводной нити-веревочки широко выражена в сказках, где она, компактно свернутая в клубок-моток, помогает Ивану-царевичу в опасном странствии. Добрый молодец безоглядно доверяет ему, верит в него, вверяет ему свою судьбу, поскольку, разматывая его, он, словно по карте, считывал нужный маршрут.

Поэтому современное жаргонное выражение «уматывай отсюда» означает требование отстать и следовать своей дорогой. Тоже намек на некий путевказующий клубок, потому что мотать – это наворачивать, поводить, качать туда и сюда, т. е. совершать динамичное действие, как бы собирающее в себе определенную длину, расстояние. Мотать здесь созвучно и близко по смыслу другому действию, определяющему дистанцию, метать – или метить. В отношении того, кто делал это проворно, живо, расторопно, того называли *моторным* (*мотор* – провор). Возможно, этот корень обнаруживается в латинском *motor* – двигатель. Отсюда, очевидно, и *моторить* – гуторить, болтать, беседовать. Ведь, по большому счету, чтобы мы ни говорили, имманентно сообщаем, куда идем, понимая под этим обыкновенное продвижение по полям и долам или путину жизни-судьбы, по ходу которой мы то и дело, хотя бы мысленно, возвращаемся домой.

Дарогі, вечныя дарогі!
Знаць, вам спрадвеку самі богі,
Калі красёнцы жыцця ткалі,
І вашы лёсы вызначалі...

.....
Пад тья стрэхі родных хат,
Дзе зачалася пуцявіна...

Якуб Колас

Древние понимали под этим возвращением и смерть, т. е. не как уничтожение, а как некий возвратный переход в чрево Матери-Земли. Потому и выражение: «Сколько веревочке ни виться, все равно конец будет», – имеет различную, в том числе и хронологическую, трактовку в понимании этой самой «веревочки» – от некоего, достаточно протяженного во времени поступка до жизни в целом.

Так что мотали и мотали некогда вдохновенно путеводный ус наши смысленные предки. Коль не «то» намотал или относишься к научению пренебрежительно, можно вконец промотаться, разориться, истратиться. А можно, как в старину говорили, и домотаться до тюрьмы. Не позавидуешь особенно и тому, кто «кой-как мотает жизнь», перебивается, бродит, суется без толку, горемычно мотает свой срок: «Кто мотает, в том пути не бывает»; «Много добра мотаться без пути». Потому и понимаем мы, что у каждого осмысленного поступка должны быть свои *мотив* (побудительная сила) и *мотивировка* (подтверждение и объяснение доводами).

Некогда греки полагали, что нить судьбы находится у пряжи Калипсо («та, что скрывает»). Мифы скандинавов благоговейно воспевают женские божества норны, определявшие жизненный путь того или иного героя, прядя нить его судьбы. Библейская Авигея, поучая самовлюбленного Давида, говорила: «Если восстанет человек преследовать тебя и искать души твоей, то душа господина моего будет завязана в узле жизни у Господа, Бога твоего, а душу врагов твоих бросит Он как бы пращею» (1 Цар. 25:29).

Не трудно заметить сугубо женское начало в плетении сакральных наузов. Видимо, это восходит к традиции, когда мужи, возвращаясь из странствия, повествовали о перипетиях своего пути, а женщины долгими зимними ночами под лучину, пока мужи отдыхали, ловко «навязывали» эти важные сведения, дабы передать путеводные наузы для новых походов и потомкам как науку жизни. Потом проверяли их усвоение в форме загадок. Именно таковой, знающей и любящей их, предстает в наших сказках Баба Яга, испытывающая подобным образом и путников. Не отгадаешь ее головоломку – «или совсем без вести пропадешь, или с пустыми руками назад придешь». И отпускала добра молодца «противная» старуха, доказав ему свои феноменальные познания и догадливость, «только с тем уговором, чтоб он загадал ей загадку неразгаданную». Этот тест

предназначался в первую очередь для самого путника, с помощью его проверялись смекалка, находчивость, знания последнего.

Но когда и почему эта мудрая, повидавшая виды, *ведающая* в дремучих чащобах всеходы-выходы и, чтобы о ней ни говорили, помогавшая странникам в них разобраться женщина превратилась в негативный персонаж, в собирательный образ всех «ведьм»? Понятно, с утверждением христианства, которое претендует на исключительное знание выверенного, единственно верного пути, отход от которого есть грех великий, «потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их» (Мф. 7:14).

А нет ли «родственной» связи Бабы Яги с Мокошью – единственным женским божеством древнерусского языческого пантеона, чей идол в Киеве стоял на вершине холма рядом с кумирами Перуна и другими божествами? Согласно «Повести временных лет», а также спискам тогдашних богов, она упоминалась последней в их черед. Недаром добрая память о ней на Украине сохранялась до середины XIX в.*

Мокошь представлялась женщиной с большой головой, длинными руками и прядущая по ночам в избе. Непосредственной продолжательницей ее дела по принятию православия стала Параскева Пятница – женщина также с распущенными волосами, которой приносилась особая жертва – бросали в колодец пряжу, кудель. Название этого языческо-христианского ритуала «мокрида», что принято связывать со словом «мокнуть». Однако более верным видится его ассоциация с другим исходным корнем – «tokos», «прядение». Таким образом, наша Мокошь встает в один ряд с греческими мойрами, скандинавскими норнами, прядущими нити судьбы. Мифы, сказания, предания о них обретали форму устных былин, легенд, а затем, для большего иноказания, и сказок.

Во многих из них упоминается таинство путеуказующего прядения, как, например, в сказке про три царства – медное, серебряное, золотое. Существовали они якобы в ту незапамятную, но явно дохристианскую пору, «когда мир божий наполнен был лешими, ведьмами да русалками, когда реки текли молочные, берега были кисельные, в то время жил-был царь по имени Горох». В медном царстве отважный путник одаривается девицей незаменимым подспорьем: «На, возьми клубочек, пусти перед собой; куда клубочек покатится, туда и коня управляй». Или другими словами: «Намотай себе на ус», – крепко-накрепко запомни, иначе пропадешь на своей стезе-поприще. Из последнего примера видно, что наматывать на «ус» не имеет отношения к волосам, что растут под носом. Хотя мы и можем каламбурить на сей счет, как, например, в народной песне, что приводит в своей поэме А.Мицкевич:

... Закрутит Яцек ус – и задрожат застенки,
Завяжет узелок о ком на усе длинном,
Тот, верно, задрожит, будь князь он, всё едино!

Впрочем, видятся в этом мужском бахвальстве подспудные отголоски мифа о богатыре славян Усыне, который «одним усом реку запрудил, а по усу, словно по мосту, пешие идут, конные скачут, обозы едут». Видимо, это аллегорическое его изображение – результат непревзойденных путепроходческих навыков мифического существа, знавшего толк в путях-дорогах. В латышском фольклоре подобными благодеяниями славился Усынш, бог лошадей, который “рыскал по девяти дорогам”.

В любом случае «закрутить ус» – подсказка, выводящая нас еще на один любопытнейший феномен нашей культуры. Конечно же, речь идет о знаменитых расшивных поясах и рушниках наших предков.

С незапамятных времен белорусские женщины брали цветную, как правило, красную нить (символ жизни, жизненного пути) и начинали «орать», возделывать узорами «целину» белой ткани, словно зарисовывая условными значками на чистом листе бумаги какой-то очень важный маршрут. И когда добры молодцы принимали расшитые пояса (то же можно сказать и о расшитых рубахах, рушниках), опоясывались ими, то начинали видеть в себе мужчин, способных на достойные подвиги, самые дерзкие походы, поскольку с ними были их пояса-путеводители, спасители во всевозможных бедах на дорогах-путиках.

---

* См.: Грушко Е.А., Медведь Ю.М. Словарь славянской мифологии. – Н.Новгород: «Русский купец», «Братья славяне», 1995. – С. 197–198.

По таким «бел-чирвона-белым» полотнам «наши» легко узнавали на мирных перепутьях или на ристалищах «своих». А при преследовании недруга, в погоне за неприятелем и тем более при победе можно было торжественно и с благодарностью махать им, да повыше, привязав к импровизированному древку (копью, деревянной палке). Так зародились стародавняя символика, геральдика и стяг наших предков.

Существовал некогда даже особый обряд инициации, при котором неопиту вручалась самотканая атрибутика. Осуществлял это не кто-нибудь, а *мотоус* (по В.Далю, тот, кто «мотает наус»), посвящая отрока в полноправного мужа, могущего выбирать себе невесту, понятно, среди достойных девиц, т. е. знающих и умеющих вышивать охраняющими узорами «аброчныя тканіны».

В русской сказке про Федота-стрельца его тягостные сомнения, куда идти, чтобы наверняка добиться своего, развеивает верная жена: «Вот тебе мое рукоделье: где бы ты ни был, а как станешь умываться – завсегда утирай лицо этою ширинкою», – т. е. полотенцем, рушником. Не метафора ли это заповеди постоянно подносить к глазам, обращаться к мудрости, вытканной на *рушнике*? А как удобнее всего носить с собой сей рушник, чтобы он всегда был под рукой? Завязав поясом.

Каждая новая «пуцявіна» требовала своего, неповторимого «путеуказателя». Поэтому девицы, дабы претендовать на статус невесты, должны были, как считалось, выткать сорок рушников: куда бы ни отправился муж, вот ему необходимая «карта».

Без особого даже воображения в узорах, вышитых руками белорусских Калипсо и Ариадн, – крестах, полосках, елочках – можно *усмотреть*-проследить некий путь с самыми приметными ориентирами – перекрестками-ростанями, деревьями-исполинами или целыми лесами. В таком контексте и ромб, а точнее, квадрат, поставленный на вершину, также понятен. Это есть «чертеж» вождельенного Дома (избы, хаты) или целого селения, куда мечтают поскорее вернуться из похода мужчины и где ждут-не дождутся их жены и невесты. Разве не подтверждает это все та же сказка про три дальних царства? Уже в первом из них, медном, молодцу, начавшему дальний и опасный поход, открывается знаменательная картина: «Во дворце сидят тридцать три девицы-колпицы, вышивают полотенца хитрыми узорами – городками с пригородками».

По возвращении долгожданных странников все рассказанное о пройденном, о *мотании-мытарствах* в неведомых краях, как мы уже знаем, бережно заносилось в самотканую и вышитую «летопись» – в наушение-назидание новым поколениям. Так, образно говоря, собиралась целая библиотека сведений, хранимых как духовная реликвия, соединяющая во всех смыслах прошедшее с предстоящим. Здесь вполне уместно и закономерно сравнение этих своеобразных манускриптов с переведенными на язык наузов «Книги Велеса» или «Голубиной книги». И те, и другие – архетипическая память о древнейших путях-дорогах миграции и странствиях наших пращуров, о духовно-генетической связи с ними каждого нового поколения, проискивающего свои пути – дороги в этой жизни.

В качестве своеобразного знака, отличающего хранительниц сакральных *вед*, предстательниц Дома, служило белое ритуальное одеяние белорусских женщин, расшитое красными узорами. Размещались они, служа оберегами, непреодолимыми препятствиями на пути всякой нечисти, в самых незащищенных местах – на рукавах, разрезах, проймах, подолах [2].

А еще ходячими, живыми энциклопедиями можно назвать таких одетых в национальную одежду матрон, несущих на себе послания сквозь века. Вот только читать мы их разучились, ибо со временем узелковое плетение, вышивка узорами, естественно, утратили былое и «топографическое», и сакральное значение, став декором, что до сих пор видим мы на наших национальных рубахах, поясах, вязаных платках. Тем не менее неким родовым чутьем мы проникаемся их необъяснимой магией. А какая-нибудь старушка завяжет на платке «узелок на память», чтобы не забыть... А вот что именно, зачастую и не вспомнит.

Нам уже, видимо, не дано до конца постичь узелковую грамоту. Есть лишь отдельные предположения, в частности, что вязаным иероглифом в виде перекрестия обозначался сам Дажьбог, божество, издревле почитаемое славянами, дарующее им земные блага. Но это отнюдь не значит, что раскрытие культурологических тайн нам заказано, что исследовательская «веревочка» уже показала свой конец.

2. Морозов И.В. Основы культурологии. Архетипы культуры. – Мн.: ТетраСистем, 2001.

РЕПОЗИТОРИЙ БГУКИ